

УДК 94(571)(=512.145): 332.21
DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-107-114

С. Н. Корусенко, В. В. Подолько

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Формы землепользования у татар и бухарцев в начале XVIII в. (по материалам дозорных книг)¹

Аннотация. В статье на основе анализа двух источников – Дозорной книги Тарского уезда и Тарской дозорной книги 1701 г. – рассматриваются формы землепользования у татар и бухарцев в начале XVIII в. В описания включались пахотные и непахотные земли, сенокосные угодья, покотина, частично рыболовные места. Они имели отличия у разных этносоциальных групп податного населения. Основной формой землепользования для служилых татар было подворное закрепление земель, наличие заимок, собственных покосов. Землепользование ясачных татар было коллективным. Среди бухарцев выделяются земельные и безземельные, земли использовались в основном в рамках семей или родственного клана. В результате совместного проживания в одном или соседних поселениях служилые и ясачные татары и бухарцы также коллективно пользовались сенокосными угодьями, непахотными землями и покотиной. **Ключевые слова:** Сибирь, Тара, Иртыш, Тарское Прииртышье, служилые и ясачные татары, бухарцы, формы землепользования.

Проблема соотношения государственного, коллективного и индивидуального землевладения и землепользования в Сибири до сих пор остается нерешенной, так как при изучении конкретных ситуаций периодически возникают вопросы, связанные с наличием/отсутствием частной собственности на землю, передачей ее по наследству на основании различных документов, соотношением коллективных и индивидуальных форм землевладения и землепользования и т. д. Считается, что землевладение и землепользование – это взаимосвязанные и фактически неразделимые понятия. В то же время землевладение подразумевает в большей степени правовые основы данного явления, тогда как землепользование больше связано с хозяйственным освоением территории.

Сибирские территории, присоединение и освоение которых началось в конце XVI в., постепенно включались в социально-экономическое пространство Русского государства. Это выражалось в формировании системы податного налогообложения, налаживания торговых связей не только внутри европейско-азиатских территорий складывающейся Российской империи, но и с различными азиатскими сообществами. Важное значение придавалось хозяйственной колонизации вновь приобретенных земель. Не последнюю роль в этом процессе играло государство, с одной стороны стимулируя данный процесс, с другой – охраняя земли коренного населения, платившего ясак. В различных регионах Сибири хозяйственная колонизация происходила по-разному, учитывая географические условия, занятия коренных жителей, установление границ и наличие вооруженных конфликтов с соседними государственными образованиями или обществами. Еще в нача-

ле XVIII в. южные границы Западной Сибири оставались открытыми и неопределенными.

В отечественной историографии вопросы хозяйственной колонизации Сибири не раз становились объектом исследования [1–3 и др.]. В большинстве работ основное внимание уделялось пришлым служилым и крестьянским людям. Проблемы землепользования коренных жителей Сибири рассматривались в основном в контексте их взаимоотношений с переселенцами. Упор делался именно на том, каким образом и на основе каких правовых основ решались земельные споры. Землепользование и землевладение тюркоязычного населения Западной Сибири также не раз становилось объектом исследования [4–6], однако в работах эти сюжеты рассматривались либо на примере определенных социальных групп (например, служилых татар), либо хронологически это был уже более поздний период – XIX в., где ситуация изменилась довольно сильно в сторону уравнивания прав по отношению к распределению земель у оседлых инородцев и государственных крестьян. О правах на владение землей инородцами Тобольской губернии в исторической ретроспективе даны сведения в исследовании чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова, где он выделил категории документов и привел различные примеры [7]. Им же отмечено, что вопрос о землевладении инородцев остается спорным и окончательно не решенным, так как даже в начале XX в. возникает путаница при разбирательстве вопросов о принадлежности земли: в одних случаях земли признавались казенными, в других – предоставленными в вечное неотъемлемое владение. Вопросы, связанные с землепользованием, затрагивались автором фрагментарно.

Цель данной работы – представить статичный срез на рубеже XVII–XVIII вв. и выявить основные формы землепользования у тюркоязычного населения Западной Сибири, относящегося к следующим социальным группам: ясачные, служилые и захре-

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья).

бетные татары, бухарцы. Исследование основано на двух источниках – Дозорной книге Тарского уезда и Тарской дозорной книге 1701 г. Автором обеих книг являлся московский дворянин Иван Родионович Качанов. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. [89] включает описания всего населения данной территории, за исключением бухарцев. Анализ причин составления и содержания источника позволил сделать вывод о том, что главным поводом для проведения дозора было стремление пополнения государственной казны посредством увеличения налогов с местного населения. Для этого требовалось, что подтверждается и текстом самого документа, уточнить материалы предыдущего описания Тарского уезда, произведенного Львом Поскочиным в 1684 г. (эта книга не сохранилась), и осуществить в случае необходимости суд в земельных спорах [10]. Описания тюркоязычного населения представлены в последней части книги и частично опубликованы по Тарскому Прииртышью [11, с. 97–140].

Тарская дозорная книга 1701 г. [9] включает описания только бухарцев. Название источнику дал еще в конце XIX в. архивист и писатель Н. Н. Оглоблин, который отмечал, что данная книга «сохранилась целиком, и из обширного ее предисловия (л. 1–8) ясно видна особая цель переписи Ив. Качанова. Тобольские и тюменские „юртовские бухарцы“, имея во главе муллу Маскута Алимова (л. 1 об.), просили государя освободить их от дачи «выдельного хлеба» с пашен и «денежного оброка» с сенокосов, ссылаясь на то, что раньше, по указу 153 г. (1644 г. – *Авт.*), они не платили никаких оброков. Правительство отказало им и только заменило „выдельный хлеб“ с пашен „денежным оброком“, для чего и предписано было Ив. Качанову описать бухарские земли в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах (л. 2). Любопытны мотивы обложения: правительство внушает бухарцам, что „во всех странах христианских и бусурманских государств никакого чину не токмо пришлой иноземец, но и того государства природной человек безоброчно и безданно никакими землями и угодьями не владеют“ (л. 3), взимаемые же с бухарцев (как и с других подданных) оброки идут на жалованье ратным людям, которые-де „и их бусурман от разорения оберегают...“ (л. 3 об.). Бухарцы же «ничего больши 50 лет не платили» (л. 4 об.) в государственную казну. Указ же 153 г. объясняется тем, что тогда «в Тобольску бухарцев было немного, а на Таре и на Тюмени никого не было» (л. 4). Теперь же количество бухарцев так увеличилось, что правительство считает необходимым запретить впредь бухарцам покупать земли и угодья „у русских людей и у служилых и у ясашных татар» (л. 5)» [12, с. 66]. Из описания Оглоблина может сложиться впечатление, что в данном источнике переписаны все бухарцы тоболо-иртышского региона. Однако это не так: сам автор назвал книгу Тарской, из чего следует, что в ней переписаны только бухарцы Тарского уезда. Источник полностью опубликован в оригинальном виде, здесь же представлен

также адаптированный к современным нормам русского языка текст [13].

Книги явились следствием двух указов Петра I, датированных одним годом, указы изложены в начале каждой книги: Дозорная книга Тарского уезда – 4 января 1698 г., Тарская дозорная книга – 22 августа 1698 г. Чаще всего в научной литературе эти документы датируются 1698 г., так как большинство исследователей не рассматривали документ в целом, а брали из него небольшие выдержки, даже не поняв, что само описание относится к 1701 г. [2, 14–16]. Это объясняется тем, что изучались общие процессы заселения и освоения Сибири, этническая история коренных народов региона в пределах значительных территорий и хронологических рамок. Несмотря на то, что в научный оборот было введено много письменных источников (материалы ревизий, окладные и переписные книги, статистические источники и т. д.), одним из общих моментов этих работ являлось цитирование источников, а не перевод текста целиком, что иногда приводило к тому, что цитата, вырванная из контекста источника, интерпретировалась неверно. Полное же прочтение источника порой приводит к отрицанию выводов предыдущих исследований, основанных на конкретной цитате. Переход от глобальных исторических построений к изучению локальных процессов, которые показывают то особенное, что происходило в каждом конкретном регионе, способствует не только привлечению неизвестных, но и подробнейшему анализу уже ранее известных науке источников, которые при полном их прочтении открывают новые грани изучаемых исторических процессов и явлений.

К началу XVIII в. на территории Тарского уезда сложилась довольно устойчивая этносоциальная структура тюркоязычного населения, в которой выделяются 4 основные группы: ясачные, служилые, захребетные татары и бухарцы. Помимо этого в материалах дозорных книг имеются единичные сведения о казанцах и калмыках. В описаниях некоторых деревень встречаются князцы, которые по своему социальному и имущественному положению выделялись среди рядовых жителей. Обычно князцы выступали в качестве выразителей интересов общества при подаче челобитных, связанных в основном с поземельными спорами. Закономерности расселения этих групп состояли в следующем: совместные поселения служилых и захребетных татар и бухарцев располагались вокруг г. Тары, в основном на правобережье Иртыша, за исключением юрт Туралинских; рядом находились деревни ясачных татар; на севере Тарского уезда татарские деревни были заселены исключительно ясачными. К этому времени уже сложилась система чересполосного расселения русских служилых людей и татар и бухарцев.

Служилые и захребетные татары. Эти социальные группы невозможно рассматривать по отдельности, так как они взаимосвязаны: только в тех деревнях, где переписаны служилые татары, идет

описание и захребетных татар. Всего зафиксировано 59 дворов служилых татар и 60 – захребетных. С. В. Бахрушин выводил происхождение татарского служилого сословия от прежних феодалов – «тарханов», куда он включал туземных князей (беков), мурз, племенных князцов и отчасти духовную знать. Звание служилого татарина было наследственным. Они несли разнообразные воинские повинности наравне с русскими служилыми людьми, участвовали в ямской гонимости, использовались для различных поручений, требовавших знания местных условий и связей с населением [4]. Представители данной социальной группы были освобождены от уплаты ясака. Б. О. Долгих предположил, что в составе служилых татар Тарского уезда было значительное количество местного тюркоязычного населения и, прежде всего аялынцева – родо-племенной группы тарских татар [17, с. 49]. Н. А. Томилов отмечал, что, как и тобольские и тюменские татары, они совершали ежегодные походы на юг к Ямышеву озеру за солью, посылались на службу в Тару, Томск и некоторые другие города и острожки, участвовали в военных походах. Постоянным местом их жительства были деревни, расположенные около г. Тары [16, с. 145]. Их нахождение на правом берегу Иртыша подтверждает мнение Б. О. Долгих о местном компоненте служилых татар, так как при изучении расселения автохтонного тюркоязычного населения был сделан вывод о том, что основные их земельные владения, а также поселения в Тарском Прииртышье были расположены вдоль правого берега Иртыша [18, 19]. Таким образом, служилые татары, несмотря на прохождение службы, оставались на своих землях. В среде служилых татар встречались и «иноземные» представители. Так, в деревне Иткучуковой («она же Атацкая Усеинова») переписан «служилый иноземец» Кучук Чолбаров сын Зайсанов, отец которого Чолбар Кочашев сын Зайсан был «выезжим юртовским служилым татаринном» [8, л. 361–361 об.].

В XVII в. начинается перевод служилого населения на землю. Пожалуй, наиболее подробно этот вопрос освещен в работе Н. Г. Аполловой, касающейся именно территории Прииртышья, куда входил и Тарский уезд. Автор рассматривал этот процесс по отношению к русским служилым людям. Она отмечала, что начало оседания на землю служилого населения на данной территории происходило в первой четверти XVII в., приводя в пример материалы «Дозорной книги Тарского уезда 1624 г.», где переписаны селения служилых людей, представлявшие в большинстве своем деревни-однородки [3, с. 84]. На протяжении XVII в. служилые люди постепенно осваивали все новые земельные угодья. Описывая политику правительства по отношению к служилым людям в XVII в., Н. Г. Аполлова отмечала, что она «была в какой-то мере двойственной. Добиваясь „государевых прибылей“ и экономии в хлебе, оно стремилось урезать хлебное жалованье служилых или совсем не выдавать его, переводя их на службу с пашни. С другой стороны, не желая отрывать

их от своих служебных обязанностей, особенно казаков от разъездной службы, правительство пыталось установить норму земельного держания» [3, с. 87]. Можно предположить, что у служилых татар имелись свои земельные угодья до оседания на землю русских служилых людей, так как в состав служилых татар входили представители местного тюркоязычного населения. Основной деятельностью служилого сословия являлось выполнение разнообразных воинских повинностей, представители этой социальной группы использовали для обслуживания своих земель захребетников.

К концу XVII – началу XVIII в. ситуация на территории Тарского уезда становится стабильной: русские продвинулись уже далеко вверх по Иртышу, прекратились набеги калмыков и т. д. Поэтому именно в это время произошло увеличение количества «оседлых» служилых людей, приписанных к различным деревням и имевших в своем распоряжении значительное количество земельных угодий. Таким образом, нам представляется, что именно начиная со второй четверти XVII в. шел процесс оседания служилых татар на землю. В результате массового перевода категории служилых людей на «службу с пашни» во второй половине XVII в. земли служилых татар были закреплены за ними, как и у русских служилых, – подворно. Также они получали денежный оклад.

Среди 59 дворов служилых татар только главы двух из них не имели пахотной земли, большинство (главы 32 дворов) имели от двух до пяти десятин, главы 16 дворов – от пяти до десяти десятин, главы 7 дворов – свыше 20 десятин пахотной и непахотной земли (табл. 1).

В услужении у служилых татар были захребетники – «обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых» и, «живя „за хребтом“ более состоятельных своих соплеменников... были обязаны своим хозяевам известными повинностями» [4, с. 170]. В количественном отношении служилых и захребетных татар было немного по сравнению с общей массой ясачных людей. С. В. Бахрушин отмечал, что основную массу захребетников составляли чужеродцы. Но анализ сведений дозорной книги позволяет усомниться в слишком большом количестве «чужеродцев». Из 60 дворов захребетных главы 21 не имели ни пашенных, ни сенокосных угодий, 4 – только сенокосные земли. В то же время большинство захребетных (35 дворов) владели как пашенными, так и сенокосными угодьями. Это является косвенным подтверждением того, что они были выходцами из местных родоплеменных групп. Об этом свидетельствует и тот факт, что имеются указания на «старинное владение» этими землями. Например, в деревне Айткуловой к захребетным приписан «Кармышачко Айткулов сказал: у него сын Айткулко четырех лет, брат Атычко двадцати лет. Скота – две лошади, рогатого столько же. А пашни паханные – полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов

Таблица 1
Количество паханой и непаханой земли
у служилых и захребетных татар и бухарцев
Тарского уезда в начале XVIII в.*

Населенный пункт	Категория	Кол-во дворов	Кол-во безземельных	Количество дворов, имеющих земли, десятин				
				1-2	2-5	5-10	10-20	свыше 20
1. г. Тара	бухарцы	11	3	1	1	1	2	3
2. д. Кыргапских юрт	служилые	13	1		9	3		
	захребетные	17	12	2	2	1		
3. д. Айткуловых юрт	бухарцы	5	2		1		2	
	служилые	12	1		8	2		1
	захребетные	18	9	3	6			
4. д. Атацких юрт	бухарцы	1	1					
	служилые	3				1		2
	захребетные	3	1				2	
5. д. Иткучюкова Атацкая Усеинова	бухарцы	14	9		2	2	1	
	служилые	6			3			3
	захребетные	1			1			
6. д. Шиховых юрт	бухарцы	14	7	1	2	1	3	
	служилые	1				1		
7. д. Туралинских юрт	бухарцы	23	7	4	3	3	5	1
	служилые	7			6	1		
	захребетные	10	1		9			
8. д. Бабина	ясачные	1	1					
	захребетные	4		1	2	1		1
	служилые	5						
9. д. Сеитова	бухарцы	13	7	1			4	1
	захребетные	2	1		1			
	служилые	6			1	4	1	
10. д. Байтуганова	бухарцы	1					1	
	захребетные	5	1	1	3			
	служилые	6			3	3		
Итого	бухарцы	82	36	7	9	7	18	5
	захребетные	60	25	7	24	2	2	
	служилые	59	2	1	32	16	1	7

*Составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 348 об. – 390 об.; Кн. 1199. Л. 8–68.

на полтораста копен. В межах та его пашня вверх по Ибейке речке возле озера и возле глухого березняка и возле речки Ичкитовки да за Ибейкою поскотинное место. Владеет исстари» [8, л. 357]. Таких описаний встречается довольно много, и это показывает, что большая часть захребетных все же происходила из автохтонного тюркоязычного населения данного региона. Мало того, при сплошном прочтении текста дозорной книги можно предположить наличие родственных связей между служилыми и захребетными татарами. Как известно, до XX в. фамилий как таковых у местного тюркоязычного населения не было, за исключением нескольких семей. В качестве фамилии в документах записывалось отчество. Если посмотреть фамильный состав (по отче-

ству) конкретного поселения, то в ряде случаев одинаковые фамилии встречаются в категории и служилых, и захребетных татар. Например, среди служилых в Кыргапских юртах числился Ачишко Усеинов, среди заребетных – Кучучко Усеинов; в Айткуловых юртах указан служилый Себейко Айткулов и захребетный Кармышачко Айткулов, который к тому же «исстари» владел пашенными и непахенными землями; в деревне Сеитовой – служилый Тохта Бугугаев и захребетный Етыш Бугугаев (также владевший землями) и т. п.

Во всех деревнях, в которых проживали служилые, захребетные татары (в ряде случаев еще бухарцы и ясачные татары), помимо отдельных наделов, имели земли и в общем пользовании: «У них же, служилых, и у захребетных, и у ясачных татар под пашню земли и пустоши на триста десятин. Да под скотский выпуск земли сто десятин. А сенные покосы писаны под их именем. А межа санным покосам и скотскому выпуску от устья речки Янгачика да вверх по Оше реке до межи Тергаучи речки, а по третью сторону – большое болото алап, а по четвертую сторону – сосновое болото, а от соснового болота – узкое болотце, другое узкое долгое болотце с частыми малыми таловыми кустами к Оше реке, в конце – большой таловый черный куст к Оше реке. В тех же урочищах березовый остров, что пахал татарин Бинейко. Владеют исстари и по выписи 1698 года» [8, л. 377 об. – 378].

Также подворно в дозорной книге записаны сенные покосы у служилых и захребетных татар, что не исключало общего пользования поскотиной и владения земель под сенные покосы: «У них же, татар, у всех вместе непаханой залежной земли и пустоши тридцать пять десятин в поле, а в двух по стольку же. Да санных покосов против юрт за рекою Иртышом в лугу у всех вместе на четыре тысячи копен в межах: вверх по Иртышу-реке – до межи отставного драгуна Петрушки Старина, а вниз по Иртышу-реке – до Айткуловой деревни. У них же, татар, от летних юрт поскотинный луг в Кыргапской луке до переволоки, где волочат малые лодки через луку до заимки конных казаков пятидесятника Оськи Богданова, а с другой стороны к реке Таре десятин на двести и больше. Владеют пашенными и непахенными землями и санными покосами исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина» [8, л. 353 об. – 354]. Индивидуальные покосы измерялись в копнах и отличались размерами – от 30 до 500 копен, большинство имело покосы в пределах 50–150 копен (табл. 2). Покос на пятьсот копен записан за Себейкой Айткуловым, который выделялся и в плане денежного оклада, и в плане владения более 20 десятинами земли, а также дворовыми людьми – калмыками. С большей долей вероятности название деревни – Айткуловы юрты – образовано от имени его отца.

Бухарцы. В ранний период своего пребывания в Сибири бухарцы царским правительством рассматривались как иностранцы, добровольно принявшие

Таблица 2
Количество сенных покосов у служилых и захребетных татар и бухарцев Тарского уезда в начале XVIII в.*

Размер покоса (копен)	Количество случаев			Размер покоса (копен)	Количество случаев			Размер покоса (копен)	Количество случаев		
	татары служилые	захребетные	бухарцы		татары служилые	захребетные	бухарцы		татары служилые	захребетные	бухарцы
г. Тара											
30			1	100			2	500			1
50			2	340			1				
д. Кыргапских юрт											
40		2		70	1			250	1		
50	3	2		100	8	2		370			1
60			1	200			1				
д. Аиткуловых юрт											
50		3	1	100	7	3		200	2		
70	1			150	1			500	1		
д. Атацких юрт											
40			1	70			1	150	2	1	
50			2	100	1	1	1	250			1
д. Иткучюкова Атацкая Усеинова											
50	1		2	100	3	1	3				
70			2	150			1				
д. Шиховых юрт											
30			1	80			2	200			1
40			1	100	1		6	300			1
50			1	120			1	1300			1
60			2	130			1				
д. Туралинских юрт											
50	1		1	100	5	5		200		1	
70			1	150	1	1					
д. Бабина											
50	2			200	1						
100	1			500	1						
д. Сеитова											
40			1	140			1		3		
50			2	150	2	1	2		1		
д. Байгуганова											
40				100	2	4	1				
50	2			200	2						

*Составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 348 об.– 390 об.; Кн. 1199. Л. 8–68.

русское подданство. Поэтому они пользовались определенными привилегиями (например, в области торговли, передвижения), предоставленными им царскими указами. Формирование сибирских бухарцев, и в частности тарской группы, происходило во второй половине XVII в. [13, с. 19–28]. Б. О. Долгих отмечал, что «в Тарском уезде уже в первой половине XVII в. жили „бухарцы“... Вначале их было немного, всего 21 трудоспособный мужчина, но позже, к

1672 г., их уже было 53 двора» [17, с. 53]. В Тарской дозорной книге 1701 г. имеются описания 82 дворов бухарцев, часть из которых (11) расположены в самой Таре.

То, что в начале XVIII в. бухарцы прочно обосновались в ряде поселений вокруг г. Тары, хорошо видно из дозорных книг, где при описании земельных наделов служилых и ясачных татар указываются в качестве границ земли бухарцев. Например, при описании Атацких юрт написано: «Кутлуметко Ачимиков сказал, у него сын Бегишко двух лет. Скота – две лошади, две коровы. А оклад ему, Кутлуметке, Великого Государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханные за рекою Иртишем десятина в поле, а в дву потому ж. Да непаханой земли и лесных мест пять десятин в межах с бухаретдином с Тозаем Ачибабеевым. Сенных у него покосов в Кыргапском лугу на сто копен. Владеет исстари» [8, л. 368]. Из 82 семей 27 глав не имели ни пашни, ни сенных покосов, еще 9 семей не имели пашни, но имели незначительные сенные покосы. Ряд семей имели небольшое количество пашни и сенных покосов. И только около трети семей – 32 (а часть из них можно объединить в семейные кланы) имели довольно большие земельные владения, включавшие пашни, покосы, пустоши (табл. 1, 2). Пользование пахотными землями было в основном подворное, в некоторых случаях фиксируется владение и использование земель семейно-родственной группой. Для обработки земель и в период сенокосения в ряде мест возникли заимки, часть из них в дальнейшем становилась стационарными поселениями. Так, можно предположить, что на землях, принадлежавших жителю Тары Абдрахману Тохтину, возникла в дальнейшем деревня Казатова. Абдрахман Тохтин владел большим количеством земли (свыше 50 десятин), но не один, а вместе с родными братьями и двоюродным братом, которые приписаны (и проживали?) в Кыргапских юртах. Также указано, что его дети Шагазан и Шаяхмет живут в особых юртах без указания таковых. Можно предположить, что это Казатова, так как принадлежавшие им на оз. Казатова и по р. Ибейка земли расположены на значительном расстоянии от г. Тары и для их обработки было необходимо постоянное присутствие на месте. В целом для бухарцев характерна заимочная форма землепользования. Заимки образовывались в основном на левобережье Иртыша, где было достаточное количество свободных земель, часть земельных владений приобретена бухарцами у ясачных татар и русских служилых людей и на правобережье Иртыша. О том, что бухарцы к началу XVIII в. вписались в систему землепользования автохтонного тюркоязычного населения Тарского Прииртышья, говорят факты о совместных покосотинах и сенокосных с татарами угодьях.

Ясачные. При описании деревень, заселенных ясачными татарами, всегда указывалась волость (в отличие от других социальных групп). Далее шло перечисление имен ясачных определенной деревни,

Таблица 3

Количество паханой и непаханой земли у ясачных татар Тарского уезда в начале XVIII в.*

№	Населенный пункт	Кол-во дворов	Общее кол-во десятин		Сенные покосы (в копнах)
			пашни	пустоши	
1	д. Байтуганова**	7	45	200	500
2	д. Усть-Тарская Тартамак	24	60	100	2000
3	д. Чипляровых юрт Аялынской волости	25	75	150	2000
4	д. Инцисский юрт	14	45	100	1000
5	д. Биргамацких юрт	19	60	200	1000
6	д. Кожбахта Сарыбаева Чертанлинск	22	45	50	700
7	д. Темшенякова Мантабарова Кукунова	6	30	40	500
8	д. Сабанчеева Альменева	15	90	200	2000
9	д. Рухляева	15	45	100	700
10	д. Бугенских юрт	4	45	70	800
11	д. Енчагаковых юрт	4	51	100	700
12	д. Темшенякова	3	21	20	500
13	д. Буянова	9	60	50	1000
14	д. Большая	6	30	40	500
15	д. Верхняя	8	60	150	700
16	д. Угамацких юрт	2	15	20	150
17	д. Красноярская	4	27	50	500
18	д. Верхняя Ковинская	23	90	450	2000
19	д. Кучуцких юрт	11	75	250	1500
20	д. Бекшенева Верхняя Усть-Ошинских юрт	22	105	300	1700
21	д. Аевская тех же юрт	3			
22	д. Шиштамацких юрт	5	30	50	500
23	д. Тепкашских юрт	29	105	300	2500

№	Населенный пункт	Кол-во дворов	Общее кол-во десятин		Сенные покосы (в копнах)
			пашни	пустоши	
24.	д. Нижняя Аева	31	111	350	2700
25.	д. Байбахтина	35	105	300	2100
26.	д. Отуская	12	45	150	1000
27.	д. Отуская	5	30	150	500
28.	д. Кулларская Верхняя	5	21	150	500
29.	волость Кулларская	41	150	500	2700
30.	д. Яна Кулларской	9	30	100	500
31.	д. Верхняя Тавинская	14	36	100	1000
32.	д. Нижняя Тавинская Ачметева	9	45	200	1000
33.	д. Ишимская Верхняя Космакова	3	21	50	500
34.	д. Ишимского острожка Иксемитская Ябаргулова	10	60	300	700
35.	острожек Ишимский	89	1500	2000	10000
36.	д. Тебендинская	17	45	150	1700
37.	д. Саургашева	15	60	1000	1700
38.	д. Тюлюганова	27	60	150	700
39.					
40.	д. Улу-Бирень	19	36	100	700
41.	д. Каинаул	19	36	100	700
42.	д. Танбурень	52	105	500	2700

*Составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 365–422 об.

** Владеют совместно со служилыми и захребетными татарами.

изредка указывались дети и количество скота. Основной целью дозора было пополнение государственной казны посредством увеличения налогов с пришедших в Сибирь, главной задачей – выявить тех, кто живет здесь, но не платит налоги. В этом смысле ясачные в меньшей степени интересовали переписчика, так как они платили ясак по ясачным книгам. Поэтому описание ясачных носило очень формальный характер, за исключением моментов, связанных с земельными спорами, когда ясачные по челобитью отстаивали свои права на земли [20] или просили закрепить их выписями из книг. На рубеже XVII–XVIII вв. центральными и местными административными органами был поставлен вопрос о принадлежности сибирских земель определенным категориям населения и о правах на их владение. Государство в этот период еще стояло на позиции сохранения за ясачными их земель, поэтому одной из задач проведения дозора было рассмотрение их земельных споров с русскими и закрепление юридически с выдачей выписей из дозорной книги.

Землепользование ясачных татар отличалось коллективными чертами. Пашни, сенокосные и другие угодья были общими (табл. 3), и обычно эти све-

дения даны в конце описания каждого населенного пункта: «Деревня Инцисских юрт Абайтомак Сеиткулова та ж. Живут Аялынской волости татаровья... Пашни у них паханые у всех вообще пятнадцать десятин в поле, а в дву потому ж. Да непаханой залежной и лесом порослой земли и пустоши на сто десятин. Сенных у них покосов подле Иртыш реки около зимних и летних юрт на устье Инцыса речки на тысячу копен. У них же рыбная ловля речка Аптатак под Кайгашевым Красным яром, а пала та речка из озер. Владеют исстари...» [8, л. 370 об. – 371]. Понятно, что на деле за определенными семьями неформально закреплялись участки под пашню и сенокосные угодья. В то же время жители многих небольших деревень ясачных являлись близкими и дальними родственниками.

В некоторых поселениях землепользование ясачных татар представлено в более широком варианте, когда указывали не только рыболовные места (наиболее часто встречающиеся), которые фактически подразумевают занятия рыболовством. В описаниях присутствуют сведения и о собирательстве, охоте. Например, в юртах Тепкашских о землепользовании ясачных татар приведены следующие све-

дения: «У них же рыбная ловля – речка Уй (?) (л. 397) да озеро Тепкаш в длину две версты, а поперек – на полтора саженя. Владеют исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина. Они же владеют землей, речками, бобровыми промыслами и хмелевыми угодьями ясачных же татары Токлука Янбаева с товарищами по купчей 1701 года. А промыслу их – три речки именем все Тотчи. И по ним – дубровные места с орловыми гнездами, луговыми местами, лисьими норами и хмелевыми угодьями» [8, л. 396 об. – 397]. Особенно характерны такие описания для ясачных татар северных территорий Тарского уезда, где на тот период еще не существовало поселений русских.

В большинстве научных работ представлена версия о коллективном пользовании землей ясачными татарами. Действительно, по материалам дозорной книги такой вывод считается оправданным. Но еще раз остановимся на том, что задачей переписчика было описать земли и выявить спорные моменты в землевладении (а не в землепользовании!). С этой точки зрения в книге прописан коллективный характер именно землевладения. А вот было ли землепользование коллективным? На этот вопрос можно ответить при сопоставлении материалов дозорной книги с другими данными этого периода, одним из которых является Хорографическая чертежная книга С. У. Ремезова. Даже в количественном отношении поселения татар расходятся в этих двух источниках: в дозорной книге их 51, в чертежной – 79. Анализ сведений позволяет сделать вывод о заимочной форме землепользования ясачных татар, которая хорошо иллюстрируется материалами по Усть-Ишимскому острожку и другим поселениям [21, с. 170].

В Исторической энциклопедии Сибири, подготовленной Институтом истории СО РАН, приведена словарная статья «землепользование», которое понимается авторами как «установленные обычаем или законом формы и способы приобретения и использования земли для хоз. надобностей. С нач. рос. колонизации аграрной Сибири наиб. общественно значимым сегментом 3. остается использование земель с.-х. назначения» [22]. Авторы для начального этапа освоения Сибири основной считают индивидуально-подворное землепользование, а коллективное характерно только для колонизационной границы. Далее авторами рассматриваются формы присвоения – заимочно-захватная, потом вольно-захватная. Во второй половине XIX в. большее распространение получило уравнильно-передельное землепользование. Данные формы представлены авторами словар-

ной статьи только по отношению к пришлому населению, а землепользование автохтонных жителей Сибири осталось за ее рамками. По материалам дозорных книг у тюркоязычного населения Тарского уезда выделяется несколько форм землепользования. Для служилых и захребетных татар и бухарцев характерна индивидуально-подворное описание использования пахотных и непахотных земель, пустоши и сенокосных угодий. В данном случае встречается заимочное землепользование, в большей степени характерное для бухарцев, которые, будучи пришлыми, разными путями приобретали права на земли. При описании ясачных татар показано коллективное землепользование. В то же время при сравнении с другими источниками или подробном исследовании текстов о земельных спорах выясняется, что у них встречались индивидуально-подворные или семейные формы землепользования. У ясачных татар были заимки, которые они называли летниками, в дальнейшем ряд из них становились населенными пунктами. Бухарцы, которые массово стали заселять Тарский уезд лишь во второй половине XVII в. довольно быстро вписались в систему землепользования. В результате совместного проживания в одном или соседних поселениях служилые и ясачные татары и бухарцы коллективно пользовались сенокосными угодьями, непахотными землями и поскотинной.

S. N. Korusenko, V. V. Podolko

Landowing forms of the Tatars and Bokharians in the early XVIII century (based on inventory revision books data)

Annotation. The paper based on the analysis of two sources – Inventory revision book of the Tara uezd (parish) and Tara Inventory Revision book of 1701 – deals with the landowing forms typical to the Tatars and Bokharians in the early XVIII centuries. Cropland and noncropland were included in the descriptions together with hayfield meadows, enclosed pasture and partially fishing spots. They had specific peculiarities in different ethno-social groups of taxed estate. The main landowing form for the Tatar servicemen was household land consolidation. Small settlements and own mowings were also typical. Landowing of the Tatars who were imposed a tribute in furs was collective. Among Bokharians land owners and lackland people were distinguished, the lands were primarily used by families or clans. Tatar servicemen and those imposed a tribute in furs and Bokharians also collectively used mowing, noncrop-land and enclosed pastures because of cohabitation in neighbouring or the same settlements. **Keywords:** Siberia, Tara, Irtysh land, Tatars, service and yasak Tatars, Bokharians, forms of land use.

Источники и литература

1. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников: монография. Харьков: Типография Губернского правления, 1889. 345 с.
2. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков: монография. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.
3. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в.: монография. Москва: Наука, 1976. 372 с.
4. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Москва, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 252–296.
5. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт: монография. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 208 с.

6. Тычинских З. А. О формировании земледельческого хозяйства у служивых татар Западной Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 32–40.
7. Андроников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова / при участии чинов Тобольской переселенческой организации В. М. Егорова, К. К. Иванова, М. К. Колпакова, Ф. К. Лискина и А. Р. Шнейдера; Главное управление землеустройства и земледелия, Переселенческое управление Тобольского района. Тобольск: Губерн. тип., 1911. X, 395, CLXXII с.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. 425 л.
9. РГАДА. Ф. 241. Оп. 1. Кн. 1199. 69 л.
10. Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2014. № 1. С. 62–69.
11. Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках: монография. Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2006. 218 с.
12. Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). В 3 т. Ч. 1: Документы воеводского управления. Москва: Университет. тип., 1895. 429 с.
13. Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века: монография. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. 248 с.
14. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: монография. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.
15. Миненко Н. И. Освоение русскими Среднего Прииртышья на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторический опыт освоения Сибири: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1986. Вып. 1. С. 3–12. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.: монография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 275 с.
16. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.: монография. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 622 с. (Труды Института этнографии. Т. 55).
17. Корусенко С. Н. Расселение татар Тарского Прииртышья (XVII–XX века) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 9. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. С. 225–256.
18. Тихонов С. С. Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 8. Омск: Изд. дом «Наука», 2004. С. 200–233.
19. Бережнова М. Л., Корусенко С. Н. Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (Приложение 1). С. 108–116.
20. Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Сибирские картографические и делопроизводственные источники рубежа XVII–XVIII веков: феномен «узнавания» новых пространств империи (по материалам Тарского уезда Тобольской губернии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4. С. 165–173.
21. Землепользование // Историческая энциклопедия Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/> (дата обращения: 25.09.2020).

УДК 394.4

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-114-117

Ч. К. Ламажаа

Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Российская Федерация

Календарный обряд тувинцев дагылга: терминология и виды (обзор литературы)

Аннотация. В статье делается обзор научной литературы, в которой представлены варианты терминологии тувинского календарного обряда дагылга, а также виды дагылга. Делается вывод о том, что обряд остается малоизученным и нуждается в дополнительных исследованиях. **Ключевые слова:** Тува; тувинцы; календарный обряд; дагылга; культ природы.

Дагылга, традиционный тувинский календарный обряд освящения родовых мест, природных объектов, несмотря на его известность и изученность, тем не менее имеет ряд особенностей, которые мало исследованы. Например, почему этот обряд называется в литературе по-разному? Или сколько у него разновидностей? Сделаем краткий обзор литературы, который покажет нам эти разночтения.

Так, Л. П. Потапов термином *тагыры* назвал общие моления, подразделяя их на виды: аальные тагыры, моления-оваа, семейные моления и пр. [1, с. 128]. А. К. Кужугет пишет об обряде освящения

различных объектов, называя его двумя терминами: и *дагыры*, и *тагылга*, без каких-либо различий и оговорок [2, с. 80]. Виды она перечисляет: *даг дагыры* – освящение горы, *оваа дагыры* – освящение оваа, от *дагыры* – освящение огня, и др. [2, с. 78–98; 3, с. 50]. В коллективной монографии «Тюркские народы Восточной Сибири» также упоминаются разные виды *дагыр*: *буга дагыр*, *оваа дагыр* и др. [4, с. 124].

Эти терминологические смешения объясняются филологами. Если мы говорим об обряде, основным понятием является *дагылга* – «освящение» –